

Потерянная молодость

НОВОБРАНЦЫ БУРЖУАЗНОГО АГИТПРОПА

Потерянная и возвращенная молодость... Этим слогам достаточно, чтобы выразить сформулировать решающую разницу между двумя художественными мироощущениями, из которых одно всецело овладело представителями современного капитализма, а другое принадлежит строителям и борцам за социалистическое общество...

О ней — о возвращенной молодости — говорили не раз с трибуны первого всесоюзного съезда советских писателей. «Я не чувствую себя старым, хотя мне и семьдесят шесть лет, — заявил народный поэт Армении Ширван-Заде. А не старею я оттого, что живу при советской власти».

«Возвращение молодости» — так характеризовал Юрий Олеся в гоучей творческой исповеди новый этап своей писательской жизни. В осударстве растет первое молодое поколение, растет советский молодой человек. Как художник, я бросаюсь на него — говорит Олеся. Тема молодого человека, ровесника Октябрьской революции, увлекает сегодня лучших художников Советского союза. Каждый талантливый писатель находит в ней «секрет омоложения» своего мастерства и своих настроений.

Как чужды современному буржуазному Западу эти две темы: «возвращения молодости» и ее самоуверждения. Здесь господствуют темы диаметрально противоположные.

Ровесники империалистической войны, преждевременно одряхлевшая молодежь — таковы основные персонажи, заведшие искусство по повоевой Европы и Америки. Оно — это искусство — создало жуткую ортретную галерею тех, кто составил в двадцать лет. В самых разрозненных сюжетных вариациях трагедий оно переживает юности, повзрослевшего со школьной скамьи в транше империалистической войны, ноши, для которого военная эпоха фронтовая жизнь оказалась единственным знакомым на аттестат зрелости.

Большинство мелкобуржуазных модых людей этого «консамна» не выдержало. Уцелевшие от военных нарядов, они оказались психологически изувеченными империалистической бойней и, сохранив жизнь, всегда потеряли свою молодость и изданные с ней ощущения.

«У меня нет возраста» — заявляет немецкий поэт Иван Голл в своей биографии. «Детство мое вопли бескровных стариков. Юношу во не зарезал бог войны».

Ремарк великолепно показал это катастрофическое одряхление безукзарненной муштры и окопной жизни. Всего два года пребывания на ронте понадобилось, чтобы юнцы змарна превратились в разочарованных старцев. Это превращение особенно наглядно дано в последнем роине Ремарка «Обратный путь». Дувенно опустошенный стоит двадцатипетный герой романа, занявшийся ительской профессией, с ужасом глядя о тех истинах, какие ему прися поведать своим ученикам:

«Вот стою я перед вами, один из тни тысяч банкротов, всю веру и ичи всю силу которых разрушила йна; вот стою я перед вами, ваш

будущий учитель и руководитель. Чему же мне учить вас?.. Показать вам, как готовят гранату, срывают с нее кольцо и бросают в людей? Показать мне вам, как закалывают человека штыком, убивают прикладом, бьют как животное заступом? Продемонстрировать, как направлять ружейные дула против такого непостижимого чуда, как дышащая грудь?.. Продемонстрировать вам, как стонут, когда пуля попадает в живот, как хрилят при простреленных легких и какой свист вырывается из горла у раненых в голову? Я ничего кроме этого не знаю. Я ничему больше не учился... Я стою перед вами запятанный, виновный и не учить, а молить вас хотел бы я: оставайтесь такими, какими вы есть, и не дайте злоупотреблять теплым светом вашего детства, не дайте раздуть его в колючес пламя ненависти».

Мы знаем, что отнюдь не призывом к ненависти, а чувством примирения кончается этот последний роман Ремарка. Мелкобуржуазная молодежь, почувствовавшая себя банкротом в результате войны, обанкротилась и в своих пацифистских иллюзиях. В этилоге к роману «Обратный путь» Ремарк показывает, как националистские организации Германии продолжают дело военизации молодежи.

«Стук и треск. Длинный ряд мальчиков лет 15—17-ти, рассыпавшись цепью, лежит на опущке. На них спортивные куртки, подпоясанные кожаными ремнями, будто лортупей... Каждый вооружен палкой с железным наконечником, как для хождения по горам. Этими палками они стучат по деревьям, изображая ружейную пальбу». Все это видит Ремарк, но слова протеста замирают у него на устах и сладенькими пацифистскими разглагольствованиями заканчивает он свою учительскую деятельность.

Литературное поколение, представленное Ремарком, Хемингуэйем, Олдингтоном, не оказалось достойным роли учителя для последующих мелкобуржуазных поколений. Оно могло только скулить, жаловаться, пролинять. «Потерянное поколение» — так охарактеризовал своих сверстников американский писатель Эрнст Хемингуэй. Это поколение в конечном счете породило такую книгу, как «Путешествие на край ночи» Луи Фердинанда Селина, откровенно заявившего: «К двадцати годам у меня уже оставалось одно только прошлое». Облегчая свою душу проклятиями по адресу прошлого, эти писатели мало задумывались о будущем. Двери в будущее им казались закопченными в результате империалистической войны. «Мир залепт, мы подошли к самому краю», — голосил Луи-Фердинанд Селин. Фаталистически обвиняя своих родителей («вояна — это родители», — заявлял Эрнст Глезер), они мало задумывались о своих детях, об их судьбе.

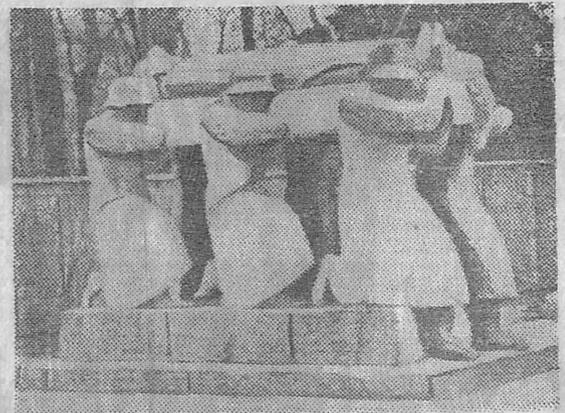
Между тем дети подрастали. Вступало в жизнь поколение, которое не было очевидцем империалистической свалки 1914—1918 годов. «Империалистская война похожа на лесоводство, — иронизировал Ленин, — нужен известный промежуток времени, чтобы выросли новые деревья». Продав известный промежуток, выдержав определенную пацифистскую па-

узу, буржуазия приступила к энергичной милитаристской обработке сознания новой молодежи рождения 1912—1914 годов. Именно на это поколение, а не на сверстников Ремарка и Глезера, ориентируется нынешняя милитаристская литература. Для современного милитаризма сверстники Ремарка, Глезера и Селина — это «отработанный пар». Покуда «потерянное поколение» Ремарка и Хемингуэя всенародно выплакивало свои горькие воспоминания, фашизирующая буржуазия поставила на работу внушительные отряды художников, раскрашивающих для молодежи соблазнительные батальные картины и описывающих всевозможные яркие военные приключения.

Милитаристский агитпроп все надежды возлагает именно на эту молодежь, которая завтра должна будет пойти на призывные пункты. Совсем недавно во Франции вышла книга очерков Анри Пата, интригующе озаглавленная: «Молодежь спасет мир». В своей книге эссеист Пата открыто противопоставляет фашизирующуюся воинственную буржуазную молодежь «пацифистским старикам». «Движение молодежи не заинтересовано, — пишет Анри Пата, — в поддержании современного пацифистского порядка. Оно упорно ищет путей к созданию фашистского режима».

Чрезвычайно любопытно наблюдать, как по-новому возрождает милитаристская литература традиционный спор «отцов и детей». С этой точки зрения характерна пьеса Генрика Вергаулена «Лангемаркская молодежь», ставившаяся в прошлом году в театрах Третьей империи. Герой пьесы — студент Франц Гертнер, отправляющийся в первые же дни войны добровольцем на фронт. Этот герой очень любит отца. Когда отец умирает и согласно завещанию отца власти призывают юношу обратно в тыл, на завод, герой переживает тяжелые минуты. Он считает своим долгом, не взирая на завещание, остаться на фронте. «Долг перед войной сильнее долга перед отцом», — заявляет Франц Гертнер. — Если я не останусь на фронте, это значит я не выполню самого большого своего долга. К тому же, — рассуждает герой, — пребывание на фронте наполняет мой дух такими высокими переживаниями, какие не способна дать даже любовь к отцу». В конце концов Франц Гертнер остается на фронте и погибает во время сражения.

«Коллизия» этой пьесы чрезвычайно симптоматична. Спекулируя на тяге молодежи ко всяким неизведанным приключениям, милитаристские художники спешат противопоставить буйных воинственных сынков пацифистским отцам. Эта тенденция характерна в одинаковой мере и для милитаристского искусства современной Японии. Достаточно указать на сюжет «ведущей» шовинистской повести Наоки, впоследствии переданной в пьесу. Повесть и пьеса называются: «Содрогание Японии». Действие происходит на фоне шанхайских событий. Отец, потерявший ногу в Русско-Японской войне 1905 года, настроен пацифистски, скептически, выжидательно. Да и сам сын вместо военных песен, отправляясь

Искусство фашистской Германии. Памятник жертвам войны в Вюрцбурге

на фронт, распевает песни революционные. Но достаточно юноше высидеться в Шанхае и принять участие в первых боях с китайцами, как он, этот сын, восхищенный атмосферой войны, становится стопроцентным патриотом. Он тут же пишет с фронта восторженное письмо. «Война, — говорит сын, — это высшая мораль, объединяющая людей в одном национальном чувстве». Под влиянием этих писем сына перевоспитывается и отец, восклицая: «Все, кто жалуются на современное общество, — идите на войну. Там ваши жалобы скоро исчезнут».

Сыны перевоспитывают отцов! Такова излюбленная тема современной милитаристской литературы. Это обстоятельство объясняет, отчего так высоко расценивается в современной фашистской Германии роман «маститого» националистского писателя Эрнста Саломона «Кадеты». Роман этот повествует о годах войны, наших отцов в жизни кадетского корпуса. В книге охвачен период с 1913 по 1920 гг. Всяческими средствами и способами автор внушает своим читателям восхищение казарменной системой воспитания. Юнкерские сынки в изображении автора реуют в бой, и ни голод, ни лишения не ослабляют в них этого желания. Примечательно, однако, то, что эти мальчики особенно патристически настроены в дни Ноябрьской революции. Им чужда атмосфера Веймарского учредительного собрания. Всячески стремятся они бороться против взрослых пацифистов.

Милитаристские писки предпочитают вести полемику с пацифистскими и революционными писателями, создавая вымышленные и ходячие образы патриотических юношей.

Эти образы, если судить их с точки зрения художественной, чрезвычайно мало удаются им. Пытаюсь всякими искусственными средствами заархивовать молодежь на службу фашистскому движению, буржуазная литература не создала ни одного более или менее значительного произведения, посвященного молодежной теме. На примере итальянской фашистской литературы можно проиллюстрировать это чрезвычайно наглядно. Сколько сантиментальной декламации и абстрактных разглаго-

ствований по поводу фашистской молодости, при полном неумении показать живые фигуры фашистского молодяка.

«Молодость, молодость, весна красоты. В фашизме спасение нашей свободы». Так звучит припев официального фашистского гимна. «Твой мальчик вернется к тебе, усталая старушка, чтобы покрыть поцелуями твою святую седую голову... смерть солгала, когда в злослучный день она сказала: «Я осенила его своим крылом». «Доблестная молодежь не может умирать. Черная рубашка — это вечная жизнь». Таков текст одной из популярных фашистских «песен революции» Гравелли. Этой слащавой сантиментальной дребеденью по сути ограничивается показ фашистской молодежи в итальянской песне. Не меньшая неудача постигла всякий раз немецкое фашистское искусство, как только оно пыталось создать положительный образ юного штурмовика. Достаточно сослаться на судьбу фильма «Гитлеренок Квекс».

Несмотря на это, современная фашистская кинематография все свое внимание устремляет на возможное более живописный показ фашистского молодяка. Для этого режиссеры переносят своих героев — фашистских юнцов — в военную обстановку. В первую очередь в обстановку империалистической войны. Причем эта тенденция воспеть милитаризацию молодежи иногда доходит до карикатурного. Так случилось с венгерской фильмом «Бесенный парад».

Молодая девушка из венгерской деревни мечтает представиться престарелому австрийскому императору Францу-Иосифу. Девушка отправляется искать счастья в Вену. Здесь она влюбляется в барабанщика императорского оркестра. Добродушный император принимает благосклонное участие в судьбе этой патристической девушки, устраивая брак между своим барабанщиком и влюбленной девушкой. Этот бредовый сюжет, где любовная идиллия мирно течет под барабанную дробь императорского оркестра, под орудейный грохот, доносящийся из Южного Тироля, должен в наши дни служить идеализацией войн, открывающих для молодых парней и девушек перспективы легкого выдвигания и ослепительной карьеры на случай новой войны.

На фоне этой дешевой макулатуры особенно важно отметить те пока немногочисленные произведения западной литературы, которые дают правдивый реалистический показ быта и настроений молодежи современных буржуазных стран. В первую очередь здесь надо отметить «Семейство Опенгайм» одного из крупнейших немецких антифашистских писателей Леона Фойхтвангера. В этом романе, который недавно был выпущен в Амстердаме, самым потрясающим местом является рассказ о том, как младший отпрыск семейства, гуманистически настроенный Бертольд Опенгайм кончает самоубийством в результате преследований национал-социалистического учителя истории Фогельзанга. Эта сильнейшая страница в творчестве чрезвычайно талантливого Фойхтвангера вскрывает ту средневековую систему воспитания, которую ввел в современной Германии фашистский режим. Недостаток Фойхтвангера заключается в том, что он изображает слишком камерно эту трагедию учащейся молодежи, скованной по рукам и ногам фашистской муштрой и демагогией. Протест молодежи против фашизма и империалистической войны сегодня приобретает массовый характер, и мы вправе к художникам Запада предъявить требование показывать это антифашистское движение молодежи в тех больших формах и масштабах, в какие оно вырастает.

Недавно в Америке вышла полупублицистическая, полуполитурная книга «Нас — миллионы», недавно изданная клубом имени Джон Рида. Это — чрезвычайно показательный документ, который может послужить материалом для многих художников. «... История бездомной молодежи Америки, — пишут авторы этой книги, — фантастичнее любого фантастического романа. Это не праздная болтовня, а часть живой действительности, окружающая нас, той действительности, от которой зависят наше будущее и будущее наших детей. Это — драма массового масштаба, разыгрывающаяся в плоти и крови самой жизни. Это — властная и материальная мощь истории, шествующая вперед, преобразующая или сметающая все идеи и учреждения, которые не желают с ней считаться. Это — реальные и определяющие силы истории, находящиеся в действии».

Вот каким языком заговорила революционная молодежь Америки. Этого языка молодежи мы еще не слышим в художественной литературе Запада. Покуда мы имеем только черновики. Американский революционный писатель Эдвин Сивер сейчас заканчивает большое полотно «Мощенники», которое дает широкую картину разложения американской мелкобуржуазной молодежи в связи с кризисом. Этот роман автор строит на развернутом противопоставлении двух систем — капиталистической Америки и Советского союза. В таком же плане сейчас работает и другой американский пролетарский писатель, Джек Конрой. Надо надеяться, что эти — как и другие — произведения, посвященные революционизирующейся молодежи Запада, окажутся достойными тех великих задач, за которые борется комсомольская молодежь всего мира.